

УДК 159.922.767:316.2

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-386-396

Социальное сиротство: девиантологический анализ личностных мотивов отказа от ребенка

Александр Николаевич Тесленко

Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова
(Кокшетау, Казахстан)
teslan@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1398-1832**Аннотация**

Отказ матери от новорожденного ребенка и передача его под опеку государства («отказничество») — острая социальная проблема, являющаяся предметом научного интереса различных специалистов во всем мире.

Одной из актуальных и социально значимых задач, стоящих перед современным обществом, является поиск путей снижения роста социального сиротства и повышения эффективности его профилактики.

По мнению исследователей, отказ от материнства – это результат воздействия социальных обстоятельств, и для его профилактики необходимо принятие неотложных мер.

В связи с этим становится актуальным анализ современной системы ранней профилактики социального сиротства, а также поиск путей ее развития.

Данная статья посвящена исследованию причин социального сиротства и увеличения числа брошенных детей. Автор акцентирует внимание на влиянии личностных факторов на проблему отказа матери от ребенка. Изучение личностных факторов отказа от детей проводилось по двум направлениям: с учетом материнской депривации лиц, отказавшихся от детей, и особенностей их социализации в детстве. Основным фактором отказа от ребенка, на который ссылаются молодые женщины, являются объективные проблемы повседневной жизни: отсутствие жилья, работы, средств к существованию. Однако фактически за ними скрываются личностные проблемы социализационного и духовно-нравственного порядка, передающиеся из поколения в поколение.

Ключевые слова

социология детства, социальное сиротство, факторы отказа от детей, социализация в детстве, материнская депривация

Для цитирования: Тесленко, А. Н. (2022). Социальное сиротство: девиантологический анализ личностных мотивов отказа от ребенка. *Российский девиантологический журнал*, 2(4), 386–396. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-386-396.

Social orphanhood: a deviantological analysis of personal motives for abandoning a child

Alexander N. Teslenko

Kokshetau University named after A. Myrzakhmetov
(Kokshetau, Kazakhstan), teslan@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1398-1832

Abstract

This article is devoted to the study of the causes of social orphanhood, the growth in the number of abandoned and abandoned children. The author focuses on the influence of personal factors on the problem of mother's refusal from the child. The study of personal factors of abandoning children was carried out in two directions: taking into account maternal deprivation of persons who abandoned children and the characteristics of their socialization in childhood. The main factor in abandoning a child, which young women refer to, is the objective problems of everyday life: lack of housing, lack of work, money. However, in fact, behind them lies the problems of socialization and spiritual and moral order, transmitted from generation to generation.

Keywords

sociology of childhood, social orphanhood, factors of child abandonment, socialization in childhood, maternal deprivation

For citation: Teslenko, A. N. (2022). Social orphanhood: a deviantological analysis of personal motives for abandoning a child. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(4), 386–396. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-386-396.

Введение

С появлением в конце XX века специальной теории «Социология детства» как нового социально-гуманитарного знания на границе социологии семьи и социологии воспитания открылись субъективные аспекты и специфические трудности детства. Выяснилось, что категория «детство» – это не биологическая данность, а социальный конструкт, рассматривающий детей как субъектов социализации и общественных отношений (правда, не всегда полноправных) со своей субкультурой и образом мира, что, безусловно, требует внимательного изучения. В социологии сформировалось несколько специфических парадигм изучения детства:

1. Дети – особое племя (*tribal group*) со своей игровой культурой, языком, взглядом на мир и другими антропологическими свойствами. Детская субкультура архаична, часто бесписьменна и во многом непонятна взрослым, но при этом весьма информативна.

2. Дети – одно из социальных меньшинств в ряду гендерных, расовых, этнических и им подобных, а потому в центре внимания исследователей – проблемы социального неравенства, властных отношений и дискриминации.

3. Детство – особое социальное пространство, важный компонент социальной структуры общества, маркировка которого объясняет место и роль детей общественной жизни, их жизненный сценарий и т. д.

4. Детство – общественный дискурс, ставящий детей в центр концептуальных идей по поводу их взаимоотношений со взрослыми (Щеглова, 1999).

В новом тысячелетии социология детства сфокусировала свое внимание на проблемах и рисках социализации детей. Только в странах «третьего мира» в результате войн и революций сиротами являются 143 миллиона детей, 12 миллионов остались без крова, около 1 миллиона находятся в местах лишения сво-

боды (Доклад ЮНИСЕФ, 2006). Если в данном случае сиротство носит объективный социальный характер, то чем объяснить рост числа несовершеннолетних детей без попечения родителей во вполне благополучных странах?

По данным ООН, проблема социального сиротства актуализируется в результате возрастающего числа брошенных младенцев уже на перинатальном этапе. Как бы их ни называли разные специалисты («отказные дети», «казенные младенцы», «рожденные, чтобы быть покинутыми» и т. д.), это социальные сироты, т. е. «социальные сироты – это особая социально-демографическая группа детей от 0 до 18 лет, лишившихся попечения родителей по социально-экономическим, а также морально-нравственным причинам»¹. Другими словами, это дети, имеющие родителей, но в силу ряда объективных причин, не живущие с ними. Чаще всего среди этих причин доминируют такие, как лишение родительских прав вследствие тяжелых заболеваний или зависимостей (алкоголизм, наркомания).

По мнению Е. М. Рыбинского, социальное сиротство есть «устранение или неучастие большого круга лиц в выполнении ими родительских обязанностей (искажение родительского поведения)» (Рыбинский, 1997). Проведенный автором анализ причин социального сиротства показывает, что более 50 % воспитанников детских домов оказались там по социальным причинам: лишение родительских прав, отсутствие благоприятных условий жизни, отбывание наказания в местах заключения, внебрачный статус матери. Как правило, лишение родительских прав в 95 % случаев связано со злоупотреблением алкоголем или наркотиками. Особую группу составляют «отказные дети». Самые распространенные причины отказа от ребенка – его тяжелая болезнь (60 %), а также трудные материальные и бытовые условия семьи (20 %) (Рыбинский, 1997).

¹ Олиференко, Л. Я., Шульга, Т. И., Дементьева, И. Ф. (2008). *Социально-педагогическая поддержка детей группы риска: учебное пособие* (стр. 20). Москва: Академия.

В Казахстане социальные сироты составляют абсолютное большинство детей, оставшихся без попечения родителей. В последние годы в республике все громче заявляет о себе скрытое социальное сиротство. Увеличение числа детей, оставшихся без попечения родителей, неизбежно ведет к увеличению числа учреждений для детей-сирот: домов ребенка, детских домов, школ-интернатов, приютов и т. д.

Сегодня в стране свыше 37 тысяч детей, оставшихся без попечительства родителей, 11 тысяч из них живут и воспитываются в интернатах и детских домах (табл. 1).

Анализ причин пребывания детей-сирот в этих учреждениях показывает, что 65 % из них – это дети, чьи родители погибли и их некому воспитывать, но 35 % детей имеют одного или обоих родителей, которые отказались заботиться о них по причинам отсутствия доступа к социальным и медицинским услугам ребенка с ограниченными возможностями (Казахстанская правда, 2013). Только в 2019 году в республике отказались от 2000 детей (Махалля, вся правда об Узбекистане).

Начиная с 1990-х годов, казахстанские власти пытались решать эту актуальную проблему на законо-

Таблица 1. Специальные учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Казахстане

Table 1. Special institutions for orphans and children left without parental care in Kazakhstan

№ п/п		Количество учреждений	Количество детей	% к общему количеству
	Всего:	250	17486	100
1	В системе здравоохранения	26	2134	12,2
2	В системе социальной защиты населения	19	1249	7,4
3	В системе образования	160	14103	80,3

дательном уровне. В 1994 году Казахстан ратифицировал Конвенцию ООН о правах детей, а в 2002 году был принят Закон Республики Казахстан «О правах ребенка». Проблемы детства, защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей нашли отражение и в других законодательных актах последних десятилетий: «Об образовании» (2007), «Кодекс о браке (супружестве) и семье» (2011), «О государственной молодежной политике Республики Казахстан» (2015) и др. Однако от этого актуальность проблемы социального сиротства не снижается.

Цель исследования

В данной статье мы попытались изучить влияние личностных глубинных факторов отказа матери от ребенка. В работе над дизайном социологического исследования были поставлены исследовательские вопросы: «Чем определяется мотив отказа от ребенка?», «Насколько биография матери, ее психоэмоциональное состояние и особенности социализации определяют решение отказаться от ребенка?»

Обзор литературы

В социологии социальное сиротство – это сложный и многофакторный феномен, рассматриваемый как социальная деструкция, возникающая в условиях социальной аномии и социально-экономических кризисов, приводящих к углублению и обострению данной проблемы. Между тем проблема социального сиротства

исследована слабо, особенно в плане личностных факторов ее обострения.

Как правило, социологи стремятся исследовать данную проблему на интегративной основе, пытаясь анализировать влияние глобальных трансформационных процессов на воспитание и развитие детей, с одной стороны, а с другой – особенности социализации новых поколений в конкретных социокультурных условиях. Примером первого подхода можно считать анализ социального сиротства через понятие *аномии* (Э. Дюркгейм, Р. К. Мертон), позволяющий выявить поведенческие реакции индивидов на аномические ситуации (Дюркгейм, 1996, 1998; Мертон, 1992, 2003). Массовая дезакцептация социальных норм, с одной стороны, приводит к деградации института материнства и родительства и семейных ценностей в целом, а с другой – к ярко выраженному девиантному поведению самих сирот. Девиантный характер поведения детей-сирот служит причиной к десоциализации, главной характеристикой которой является формирование деструктивных поведенческих паттернов. Десоциализированная личность, используя негативные способы адаптации, отрицающие социальные нормы и ценности, тем не менее способна эффективно позиционировать себя в социуме. Таким образом, было выявлено, что социальное сиротство, порожденное в условиях аномии общественных процессов, углубляет дисфункции семьи в целом и детско-родительских отношений в частно-

сти, подрывая институциональные основы общества (Дементьева, 2008, с. 42).

Во второй половине XX века получил развитие субъективистский подход к анализу социального сиротства как отклонения от социальной нормы. В теориях вторичной девиации социальное сиротство представляется, с одной стороны, социальным конструктом, стигмой (ярлыком), а с другой – реакцией на его присвоение. Здесь конструктивистские построения основываются на понятии «социальная норма», позволяющем четко определить границы социальных девиаций и социального сиротства в частности. Кроме того, в работах Э. Лемерта, Г. Беккера и других особо выделяется функциональный аспект девиантного поведения (Лемерт, 1998; Беккер, 1998).

Конструктивистская социология П. Бурдьё трактует социальное сиротство через понятие «габитус» (система диспозиций, сдерживающих изменения и «социальное пространство»), открывая тем самым критическую парадигму в отношении института семьи. И. Гоффман объясняет негативные поведенческие практики, в том числе социальное сиротство, принудительным и эксплуатационным характером брачно-семейных и детско-родительских отношений. Позднее эту идею подхватили сторонники феминистского направления в социологии, ставящие под сомнение традиционное распределение мужских и женских ролей, а следовательно, функций и структуры семейных отношений, что, безусловно, сказывается на моделях семейного воспитания и либерализации поведенческих паттернов (Goffman, 2000).

В теории структуризации Э. Гидденса личностные факторы отказа матери от ребенка стратифицированы в три уровня: мотивация действия, рационализация действия и рефлексивный мониторинг действия (Гидденс, 2005). Первый – *уровень мотивации* – сознательные и / или бессознательные желания, побуждающие индивида к действию (в нашем случае к отказу от ребенка). Сталкиваясь с нестандартной проблемой, матери-отказницы на мотивационном уровне формируют ситуационный «проект» действий, общую линию поведения, базирующуюся на собственном опыте асоциального поведения и заброшенности при живых родителях.

В данном случае действия матери – акт рациональной мотивации, осознанного отказа от ребенка, часто сопровождающийся при этом чувством вины и греховности. Психологическое напряжение, неадекватность поведения во время беременности и после рождения ребенка можно рассматривать как своеобразные формы психологической защиты рационализации действий, которые заметно прослеживаются в нарративном интервью с женщинами, рассказывающими о своих поступках.

Рефлексивный мониторинг предполагает, что агенты не только отслеживают собственные действия, но

и ожидают подобного же отслеживания от других агентов. В качестве самого высокого уровня стратификационной модели агента действия мониторинг напрямую зависит от рационализации. Э. Гидденс утверждал: «Каждое действие – производство чего-то нового, новое действие; но в то же время каждое действие существует в его продолженности из прошлого, предоставляющего средства для его начала» (Гидденс, 2005, с. 114). В связи с этим социализация играет важнейшую роль в выстраивании жизненных стратегий и планов человека, служит основой для выстраивания социальных отношений.

Интерпретацию поведения матери-отказницы мы рассмотрели в рамках типологии социального действия М. Вебера и выделили:

1. *Целерациональное действие*. Принятие решения об отказе от ребенка – результат рационального взвешенного сопоставления всех «за» и «против». Вероятно, ребенок для нее не был «целью», приоритетом было нечто другое, и женщина мотивированно преодолевает возникший барьер в пользу более значимой цели.

2. *Ценностно-рациональное действие*. В условиях постмодерна, социально одобряемые общественные нормы и ценности семьи, родительства, детства, менее значимы и престижны, чем стандарты успешности, материального достатка и благополучия. Поэтому при принятии социально и лично значимых решений женщина была вынуждена отказаться от ребенка в пользу возможного приобретения этих статусных признаков.

3. *Традиционное действие*. В этой ситуации налицо дилемма: когда в обществе нет однозначной установки на отказ от новорожденного ребенка, реализуемой всеми женщинами, но у женщины уже есть собственный опыт отказа, то следующий может восприниматься ею как вполне традиционное привычное действие.

4. *Аффективное действие*. Психологическая тревожность и отчаяние толкают мать к побегу из перинатального учреждения, без оформления официального отказа от ребенка.

В теории аномии Э. Дюркгейма, Р. Мертон мы рассмотрели нарушение функционирования семейной системы, полное извращение репродуктивной, воспитательной, хозяйственно-бытовой, эмоционально-психологической, семейной функций, что повлияло на поведение матери-отказницы (Дюркгейм, 1996, 1998; Мертон, 1992, 2003).

В работе американского психиатра М. Броуэна «Теория семейных систем» нас заинтересовала тенденция передачи травмирующего сознания последующим поколениям, где проявляются эмоциональные разрывы (т. н. паттерн *cut off*), нарастающие от поколения к поколению. Дело в том, что инстинктивным поведением человека управляют стимулы, контролируемые эмоциональной системой. Чем больше эмоции влияют на

социальное поведение, тем более жизнедеятельность человека подчинена инстинктам, несмотря на все когнитивные барьеры и объяснения. Чем выше его психологическая тревожность, тем вероятнее и значительнее межпоколенческий разрыв у слабо дифференцированных людей. В этом случае недифференцированный индивид, его Я-концепция личности, подвержены сильному влиянию эмоциональной системы, а не логическому мышлению и интеллекту, что может продуцироваться на его противоречивом, часто неадекватном, ситуативном поведении.

Психологи еще в 1930-х годах обнаружили, что женщины-отказницы – эмоционально и психологически незрелые люди, неготовые к семейной жизни в силу эмоциональной неустойчивости и эгоцентризма (Newell, 1934). Как правило, это женщины, которые сами подвергались психологической депривации и насилию в детстве. Не разрешив свои детские или пубертатные конфликты, они концентрируются на своих личных проблемах, рассматривая их через призму установки социальной несправедливости, недостатка любви и уважения к себе. Часто у них наблюдается чрезмерная зависимость от «значимых других» и стремление к новым эмоциональным переживаниям, личностному экспериментированию в сфере сексуальных отношений (беспорядочным связям или экстремальному сексу).

Зарубежные ученые, анализируя положение женщин в своих странах, отмечают, что основными факторами отказа от ребенка являются социально-экономические и личностные, т. н. «индивидуальные риски» (Chamberlen, 1988; Wasserman, 1967). На этом основании Бельгийский комитет по социальным проблемам выделяет следующие категории матерей-отказниц:

- первая категория – отец бросил беременную будущую мать;
- вторая категория – замужняя женщина рождает ребенка от внебрачной связи;
- третья категория – беременная женщина с низкой социальной и моральной ответственностью или социально-экономической адаптацией (Ядов, 2003).

Следовательно, чисто теоретически отказ от ребенка (материнства) – это комплекс социальных, психологических, педагогических и патологических причин, действующих в совокупности и нарушающих механизм формирования материнства. Механизм процесса отказничества не возникает инстинктивно, а детерминирован социокультурными факторами, прежде всего социальным наследованием и воспитанием, а также конкретно-исторической и социально-экономической ситуацией в стране. Несмотря на эти внешние факторы, при анализе причин отказа от ребенка не следует пренебрегать личностными мотивами матери-отказницы. В данном случае исследовательский подход должен базироваться на разнообразии поведенческих

мотивов женщин-отказниц, их возрасте, психологических особенностях (темпераменте, характере и т. п.) и социальном опыте.

Методы

В анализе таких тонких социальных тканей, как отказ от детей, наиболее адекватным представляется качественный метод сбора информации. Данный метод уникален тем, что с его помощью мы изучили жизненные ситуации матерей-отказниц, содержащие специфический «жизненный мир» как совокупность интериоризированных установок и ценностей, особых психологических переживаний и поведенческих паттернов (N = 52). Качественная методология позволила сконцентрировать наше внимание на социальном действии субъекта, выраженном в вербальной форме, в рассказах о своей жизненной ситуации. Комплексный анализ интерактивной информации, полученной в ходе индивидуальных бесед, позволил осмыслить и интерпретировать специфические формы индивидуального поведения матерей-отказниц; обобщить вербальные и невербальные сигналы в их рассказах, которые в дальнейшем были переведены на язык научных терминов. Теоретический анализ нарративного интервью позволил не только изучить конкретные жизненные ситуации матерей, отказавшихся от детей в роддоме, увидеть ситуацию их глазами, но и раскрыть скрытый социальный смысл и механизмы отказничества.

Для проведения нарративного интервью нами был разработан гайд, который состоял из четырех блоков с вопросами открытой формы, а также с некоторыми предложенными вариантами возможных ответов. Первый блок включал вопросы демографической информации о респонденте, второй блок – вопросы о семейном положении респондента, третий блок – об уровне жизни респондента и четвертый – о факторах отказа респондента от ребенка. Для фиксации разговора при проведении интервью мы использовали аудиозапись. Ведение беседы предполагало поэтапное включение в разговор с таким расчетом, чтобы, добившись более непринужденной атмосферы, поддерживать у интервьюируемой интерес к беседе и вести ее по намеченному плану. Для закрепления контакта в интервью нами было подчеркнуто, что получаемая информация важна для нас и интересна: «Это очень важно, то, что Вы сейчас сказали. Нельзя ли несколько более подробно?», «Это очень интересно, мы не думали, что дело обстоит так...». Затем был переход к основным вопросам, который сопровождался вводными словами, подчеркивающими важность последующего разговора: «Какие Вы испытываете чувства после рождения ребенка?», «Какие факторы повлияли на отказ от ребенка?». В заключение был сделан итог логической части беседы (Winter, 1987).

Применение нарративного интервью позволило респондентам свободно повествовать о своей жизни. В ходе свободного изложения информации о жизненной ситуации ассоциативно в памяти респондентов всплывали в первую очередь субъективно ценностные эпизоды жизненного пути, которые они пытались проанализировать, сравнивая свое «Я» и совокупное «мы». Это позволило осмыслить их биографию через наиболее лично значимые «смыслообразующие моменты» жизненного пути. Как показывает практика применения нарративного интервью, такое самоосмысление и выделение своего «Я» наиболее трудно дается людям с низким уровнем образования, что характерно и для нашего исследования, когда матери-отказницы больше мыслят в категориях «мы», а не «Я». Только ситуация интервьюирования заставила их задуматься о себе как о субъекте социализации и самоактуализирующейся личности. Через глубинное интервью нами изучены индивидуальные судьбы матерей-отказниц, их конкретные жизненные ситуации. Личный опыт этих людей как совокупность частных практик повседневных забот и переживаний является как бы частным «фрагментом» общего социального опыта, позволяющим видеть общую картину социального благополучия общества (Гидденс, 2005).

Таким образом, качественный метод в нашей исследовательской практике является незаменимым способом сбора, обработки и анализа информации о конкретных индивидах и их личностных смыслах. В исследовании мы сконцентрировали внимание на агенте социального действия, его личностном повседневном опыте и взаимодействии с другими, выражающемся в словах, высказываниях, рассказах о собственной жизни.

Результаты

В нашем интервью на базе перинатального центра № 1 города Астана приняли участие 52 женщины и девушки в возрасте 17–38 лет. Спецификой данной выборки является рассмотрение только случаев волевого отказа матерей от детей, а не следствием принуждения государства (например, лишение родительских прав по приговору суда). Информация интервьюеров была обработана в программе MAXQDA, а полученные эмпирические данные позволили интерпретировать их следующим образом.

По возрасту на момент отказа: самая молодая отказница – 17 лет, самая возрастная – 36 лет (рис. 1).

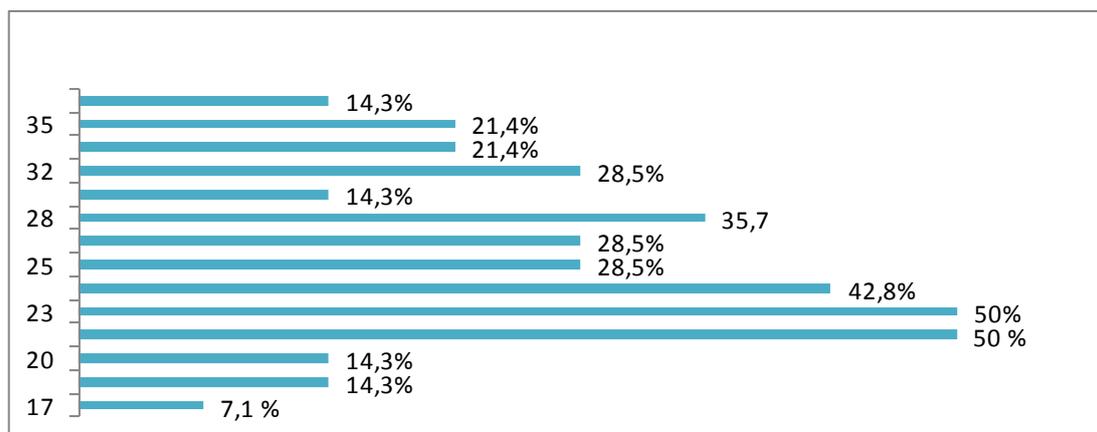

Рис. 1. Распределение женщин, отказавшихся от детей, по возрасту

Fig. 1. Distribution of women who abandoned children by age

Анализ выборки по возрасту показывает, что далеко не всегда отказываются от ребенка девочки-подростки. Средний возраст наших интервьюеров – 26 лет, а большинство из них достигли естественного детородного возраста (22–28 лет) и способны стать полноценными матерями. Следовательно, возраст – это важный, но не основной фактор формирования девиантного материнского поведения. Намного важнее социально-психологические факторы, связанные с социальным инфантилизмом, и незрелость личностного развития большинства отказниц, как результат «неудачной

социализации» (Н. Смелзер). По данным исследования, более половины опрошенных социализировались в неблагоприятной семейно-родительской среде, где детско-родительские отношения носили формальный «эмоционально и психологически холодный», а часто асоциальный характер. Эти психологические особенности первичной социализации изначально заложили негативный сценарий их жизненного пути. Так, по данным исследования, более половины проинтервьюированных матерей-отказниц воспитывались в условиях неполной семьи (табл. 2).

Таблица 2. Особенности первичной социализации матерей, отказавшихся от детей

Table 2. Features of primary socialization of mothers who abandoned children

Тип семейной социализации	Распределение по семейному положению интервьюеров, %			
	Замужем	Не замужем	Вдовы	Разведенные
Социализация в полной семье	85,7	46	–	50
Социализация вне родительской семьи у бабушки / дедушки	–	17,9	50	–
Социализировались мачехой	–	7,8	50	–
Социализировались отчимом	14,3	12,8	–	25
Социализировались родственниками	85,7	45	–	50

На момент интервью 25 женщин не состояли в браке, 12 женщин сожительствовали в гражданском браке от двух месяцев до трех лет, 9 женщин состояли в браке и 6 женщин были разведены, либо вдовы (рис. 2).

Анализ социально-территориальных характеристик личностных мотивов отказа от ребенка показывает, что большинство участниц исследования являются внутренними и внешними мигрантами из неблагополучных регионов Казахстана и ближнего зарубежья. Высокий уровень безработицы вынуждает их периодически срываться из родных мест с целью заработка и трудоустройства. Низкий уровень образования (табл. 3), как правило, позволял им занимать ниши лишь в сфере услуг: официантки, продавцы, пекари, технички, дворники и т. п. с доходом от 40000 до 100000 тенге в месяц (100–300 долларов). Большая часть этого, явно низкого для столицы, дохода уходила на аренду жилья (табл. 4).

Для 37 женщин беременность оказалась незапланированной. При этом количество первородящих женщин (36) превышает количество рожавших повторно (16) более чем вдвое. У 96 % детей-отказничков нет тяжелых или наследственных заболеваний.

Выявленные в ходе нарративного интервью причины отказа от детей можно распределить по следующим уровням: первый – материально-экономические (отсутствие жилья, работы, источников дохода), второй – социально-психологические (стремление скрыть от родителей и близких факт рождения внебрачного ребенка, отсутствие поддержки со стороны отца ребенка), третий – морально-нравственные (асоциальный образ жизни, рождение ребенка с проблемами по здоровью). Обобщение и систематизация причин позволили построить следующую иерархию факторов девиантного материнского поведения (рис. 3).

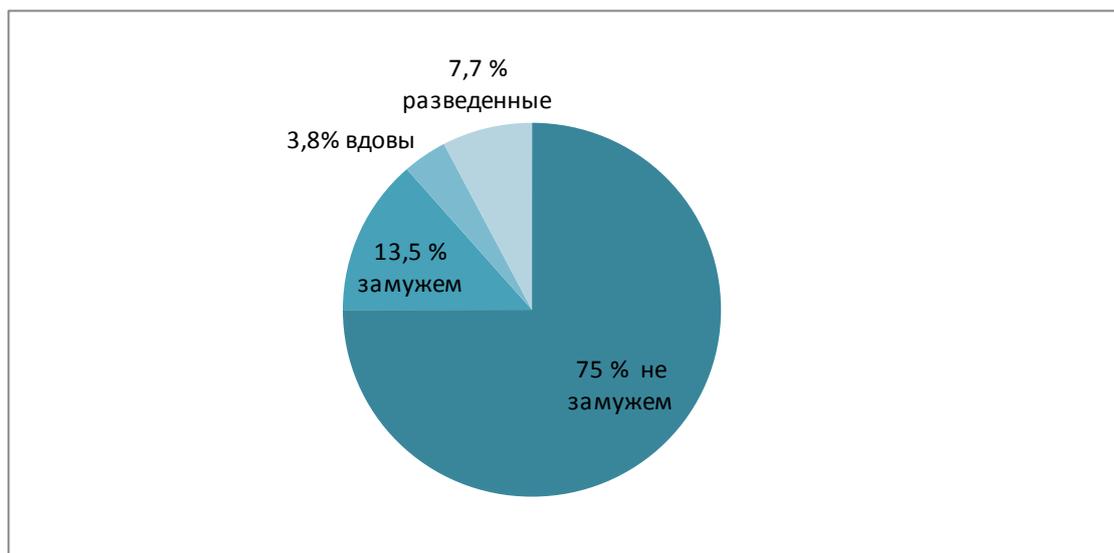

Рис. 2. Распределение женщин, отказавшихся от детей, по семейному положению

Fig. 2. Distribution of women who abandoned children by marital status

Таблица 3. Распределение матерей, отказавшихся от детей, по уровню образования

Table 3. Distribution of mothers who abandoned children by level of education

Распределение матерей, отказавшихся от детей, по уровню образования			
Высшее образование	Средне-специальное	Среднее образование	Не имеют полного среднего образования
1	12	31	8

Таблица 4. Распределение матерей, отказавшихся от детей, по наличию жилья

Table 4. Distribution of mothers who abandoned children by availability of housing

Распределение матерей, отказавшихся от детей, по наличию жилья				
Собственное жилье (проживание с родителями или мужем)	Арендуемое жилье (с подругами)	Совместное проживание с родственниками	Отсутствие жилья на момент выписки из роддома	Проживание в другом населенном пункте (приехали с целью отказа от ребенка)
4	34	6	5	3

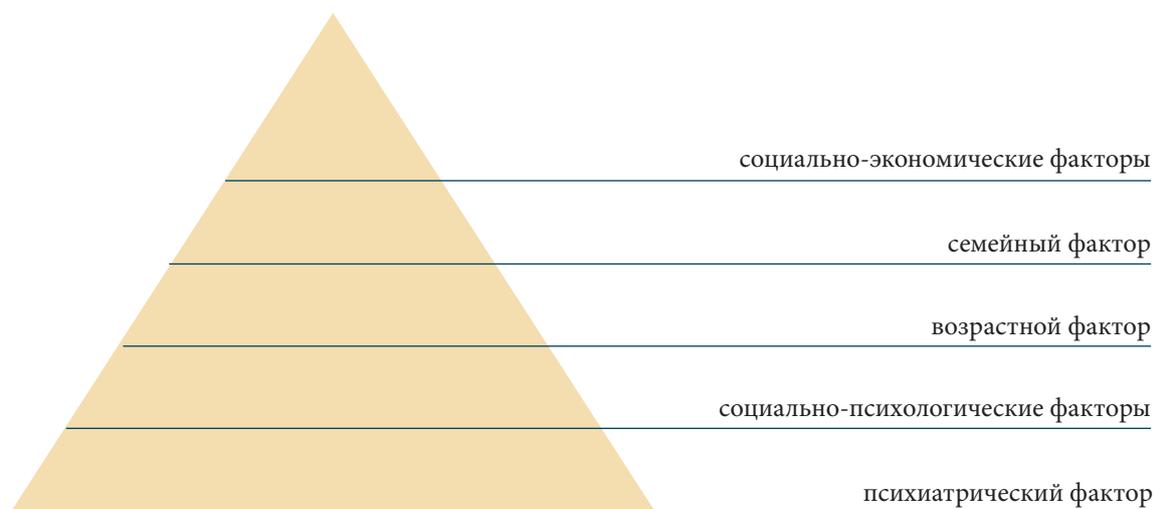

Рис. 3. Иерархия факторов девиантного материнского поведения

Fig. 3. Hierarchy of factors of deviant maternal behavior

Обсуждение

В ходе нарративного интервью были выявлены глубинные личностные причины отказа от ребенка. Результаты исследования убедительно доказывают, что сводить эту актуальнейшую проблему современного общества только к социально-экономическим и социокультурным факторам явно ошибочно. Безусловно, низкий уровень благосостояния современной семьи, культурные и религиозные традиции социума влияют

на женское поведение на всех этапах подготовки к материнству, однако большее влияние оказывают особенности социализации личности, заложенные в детские годы ценностные ориентиры, поведенческие модели и мировоззренческий потенциал. Большинство участниц опроса социализировались в условиях нестабильной или неблагополучной семьи, где отсутствовали родительская любовь и забота. Они с раннего детства впитали в себя своеобразную субкультуру бытового

насилия и агрессивного поведения, негативный опыт детско-родительских отношений. Значительная часть женщин испытали на себе унижающее достоинство обращение и холодное отношение со стороны родителей, прежде всего матери, что сформировало их модель социального поведения. Этот дефект, наложенный на неблагоприятные условия первичной социализации, позволяет нам рассматривать этих женщин как жертвы семейной десоциализации и «недостаточной затронутой процессом гуманизации детско-родительских отношений» (Wasserman, 1967, с. 178).

Материнская депривация является глубинным корнем отказа от ребенка женщин, у которых происходило замещение семейных ролей. Функцию социализации выполняли родственники либо часто бабушка, которая не смогла стать «достаточно хорошей» матерью. Из нарративного интервью Динары К.: «Я была маленькая, когда мама отдала меня на воспитание бабушке, я ее не помню, бабушка говорила, что с мамой она отношения не поддерживала», Эльмиры Д.: «Меня воспитывала бабушка, у моей мамы была своя семья, она с нами не общалась, когда мне был 21 год, бабушка умерла, меня воспитывала тетя».

Отказницы скупыми словами описывают семью своей матери, но подробно и многообразно рассказывают о семье бабушки. В этом случае создается впечатление, что функциональной матерью, по крайней мере, основным ухаживающим взрослым была бабушка. В социализации внуков бабушки и дедушки делятся своим опытом, соблюдают обычаи и традиции, предполагающие уважение к предкам, когда образ человека старшего поколения был тесно связан с категорией жизненного опыта, его постепенного накопления и передачи молодым. Но в современном быстро меняющемся мире этот стиль воспитания остается неактуальным для сегодняшних внуков, так как предполагает гиперопеку, излишнюю заботу о внуках. По этой причине дети становятся несамостоятельными – зависимыми, эгоцентричными, инфантильными, не адаптированными к современному обществу. Приведем примеры из рассказов некоторых респондентов. Баян А.: «Бабушка меня никогда не ругала, всегда баловала», Индира А.: «Бабушка с дедушкой баловали меня, позволяли мне делать то, что я захочу, говорили, что я их самая любимая внучка», Гульжан Р.: «Бабушка любила меня, всегда заступалась и решала за меня все».

Тенденция социализации детей бабушками и дедушками в Казахстане становится популярнее с каждым днем. Оставляя своих детей, родители формируют скрытую (латентную) модель социального сиротства, которая может негативно сказаться на тех отношениях, которые в будущем появятся у этих детей. В условиях стремительного развития современного общества зачастую опыт и знания старшего поколения слабо применимы к молодежи, а иногда даже вредны в силу

изменившихся условий жизни, культурных трендов и новых жизненных обстоятельств. Именно поэтому молодежь самостоятельно, методом проб и ошибок ищет собственные способы выживания и выхода из сложных жизненных ситуаций. Алвин Тоффлер отмечает: «Сейчас жизненный стиль стал способом, с помощью которого индивид идентифицирует себя с той или иной субкультурой». Стиль жизни становится способом социальной адаптации человека к современным условиям цивилизации (Toffler, 1970).

В этих условиях личностная незрелость индивида отражается на качестве его социализации и образа жизни. Стереотипное восприятие качества жизни современного человека отражается в ответах участниц нарративных интервью. Так, отвечая на вопрос: «Является ли работа для них необходимой частью жизни или только неизбежным злом?», чаще всего звучал ответ: «Надо работать в меру и зарабатывать столько, чтобы достойно обеспечить себя и ребенка всем необходимым» (35 %). Часть опрошенных предпочла бы высокие заработки, «чтобы покупать все, что душе захочется», причем 10 % из них хотели бы вообще не работать, а 5 % – иметь такую работу, чтобы она была неустойчивой, но высоко оплачиваемой. И только 2 % интервьюеров высказались за адекватную зарплату: «Не стоит гнаться за большим заработком, главное, чтобы работа приносила удовлетворение и соответствовала твоим склонностям и интересам» (Жанна, 22 г.). Правда, последнее мнение явно не согласуется с их же выбором наиболее важных жизненных целей. В целом о желании иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности, заявили 20 % опрошенных, 10 % хотели бы повысить свой образовательный уровень. Налицо парадоксальная ситуация: отказываясь от своего ребенка и обрекая себя на асоциальный образ жизни, большинство отказниц декларируют просоциальные ценности и социальные установки.

В процессе нарративного интервью было установлено, что решение об отказе от новорожденного ребенка возникло у этих женщин, как правило, задолго до самого рождения ребенка в результате борьбы мотивов – когда природный инстинкт материнства и общественная мораль противостоят жизненным обстоятельствам и нежеланию их преодолеть. По всей видимости, все ссылки на неблагоприятные условия жизни всего лишь обычное бегство от ответственности.

Часто звучащая ссылка на отсутствие помощи со стороны отца ребенка при отказе от ребенка есть не что иное, как проявление обратной агрессии как к ребенку, так и к его отцу. В этом случае многие женщины объясняют свое девиантное материнское поведение «благородными» побуждениями: «Все равно я этого ребенка любить не буду, я буду мстить ему за те обиды и страдания, что нанес мне его отец» (Алла, 29 лет).

Как правило, эти женщины уверены, что для их ребенка найдется идеальная семья «крутого бизнесмена», в которой ему будет лучше. Подобная мотивация отказа «выгодна» для ребенка только по одной причине – матери сразу подписывают отказ, и ребенок получает шанс быстрее найти приемную семью.

Большинство женщин-отказниц не до конца уверены в правильности своего решения, иначе бы они прервали беременность на ранних ее этапах, как это делают так называемые сторонники движения *Childfree*, которые готовы на аборт даже на поздних сроках, опасных для жизни. Поэтому чем больше в окружении женщины людей, которым она небезразлична, тем больше шансов склонить ее к сохранению своего святого призывания – быть матерью.

Заключение

Системный анализ эмпирических данных позволяет сделать ряд принципиально важных выводов относительно личностных особенностей женщин-отказниц. Так, характерной особенностью таких женщин является их психологическая и эмоциональная незрелость, проявляющаяся в инфантилизме, эгоцентризме, аффективной несдержанности, материнской депривации. Отличительными чертами выступали неадекватная самооценка, повышенная личностная и ситуативная тревожность, неразрешенные комплексы и страхи, эмоциональная неуравновешенность, неуверенность в успешном выполнении материнской роли. В некоторых случаях наблюдались глубокие личностные нарушения, связанные с конфликтными взаимоотношениями в семье, члены которой зачастую оказываются морально и материально не подготовленными к рождению ребенка, в связи с социальным статусом женщины, не имеющей возможности создать полноценную семью вследствие отказа мужчины, от которого она забеременела, выполнять роль отца.

Исследование еще раз убедительно показало важное значение первичной социализации для становления личности ребенка и роли родителей в этом процессе. Социализация личности, социально-экономический и культурный статус семьи, образовательный уровень родителей в значительной мере определяют жизненный сценарий ребенка. Помимо ответственного и целенаправленного воспитания в семье, на ребенка огромное влияние оказывает социально-психологический климат, внутрисемейная модель детско-родительских отношений, кумулятивный эффект которых с возрастом только накапливается, преломляясь в структуре личности. Специфика детско-родительских отношений, степень их доверия и отзывчивости, эмоциональной близости и привязанности оказывают влияние на личность не только в детские годы, но и на всем протяжении жизни, являясь своеобразным эталоном социального поведения.

Важно отметить, что в условиях модернизации общественного сознания в Казахстане стираются границы прежних социальных норм: старая ценностно-мотивационная система разрушена, а новая еще не утвердилась как общепринятая. Социальные изменения негативно сказываются на некоторых социальных группах, в том числе на семье и детях, которые перестают чувствовать свою сопричастность к общественным процессам, что в дальнейшем сказывается на уровне социальных установок и поведении, как это мы наблюдали в случае отказа от новорожденных детей, связанного с факторами личностного характера. С уверенностью можно утверждать, что внешние социальные макрофакторы, такие как безработица, отсутствие жилья и источников дохода, являются второстепенными при формировании проблемы «социального сиротства», главными же являются личностные факторы, заложенные в самой женщине.

Список литературы

- Бейкер, К., Варги, А. Я. (ред.) (2005). *Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика*. Москва: Когито-Центр.
- Беккер, Г. (1998). Аутсайдеры. В *Контексты современности*: хрестоматия (стр. 61–65). Казань: АБАК.
- Бурдые, П. (2007). *Социальное пространство. Поля и практики*. Москва: Алетейя.
- Вебер, М. (1990). Основные социологические понятия. В *Избранные произведения*. Москва: Прогресс.
- Гидденс, Э. (2005). *Устроение общества. Очерк теории структурации*. Москва: Академический проект.
- Дементьева, И. Ф. (2008). Социализация детей в семье: теории, факторы, модели. *СОЦИС*, (1), 40–49.
- Доклад ЮНИСЕФ (2006). *Положение детей в мире 2006*. Le Fonds des Nations Unies pour l'enfance (UNICEF). <https://www.unicef.org/>
- Дюркгейм, Э. (1996). *О разделении общественного труда* (перевод с французского А. Б. Гофмана). Москва: Канон.
- Дюркгейм, Э. (1998). *Самоубийство: социологический этюд* (перевод с французского А. Н. Ильинского). Санкт-Петербург: Союз.
- Казахстанская правда (2013). Так переплетаются судьбы. В *Казахстанская правда* от 08.06.2013 г. <https://kazpravda.kz/?ysclid=lbm8bpuhm4336637706>
- Лемерт, Э. (1998). Социальная патология. В *Контексты современности*: хрестоматия (стр. 58–61). Казань: АБАК.
- Махалля, вся правда об Узбекистане. В *Казахстане снижается число отказов от детей*. <https://maxala.org/>

- Мертон, Р. К. (1992). Социальная структура и аномия. *Социологические исследования*, 3, 91–105.
- Мертон, Р. К. (2003). *Социальная структура и аномия*. Социология. Хрестоматия. Москва: Гардарики.
- Рыбинский, Е. М. (1997). Управление социальной защиты детства. *Российский журнал социальной работы*, 15, 25–31.
- Щеглова, С. Н. (1999). *Детство как социальный феномен: Концепция социального конструирования детства*: дис. ... д-ра социол. наук. Москва.
- Ядов, В. А. (2003). *Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности*. Москва: Академкнига.
- Chamberlen, R. W. (1988). *Beyond individual risk assessment*. Washington.
- Goffman, E. (2000). *Asylums*. London: Penguin Books.
- Nash, E. S. (1990). Aggressive behaviors in young mother. *Pan African Medical Journal*, 77(3), 147–151.
- Newell, F. (1934). Psychodynamics of maternal rejection. *American Journal of Orthopsychiatry*, 4, 387–401.
- Toffler, A. (1970). *Futuze Shock*. New York: Random House.
- Wasserman, S. (1967). The abused parent of the abused child. *Children*, 14 (Sept.- Oct.), 175–179.
- Winter, S. (1987). The abandoned newborn. *Harefuah*, 112 (7), 360–362.

Reference

- Bejker, K., Vargi, A. Ya. (red.) (2005). *Teoriya semejnyh sistem Myurreya Bouena. Osnovnye ponyatiya, metody i klinicheska-ya praktika*. Moscow: Kogito-Centr.
- Bekker, G. (1998). Autsajdery. V *Konteksty sovremenosti: hrestomatiya* (str. 61–65). Kazan': ABAK.
- Burdë, P. (2007). *Social'noe prostranstvo. Polya i praktiki*. Moscow: Aletejya.
- Veber, M. (1990). Osnovnye sociologicheskie ponyatiya. V *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress.
- Giddens, E. (2005). *Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturacii*. Moscow: Akademicheskij projekt.
- Dement'eva, I. F. (2008). Socializaciya detej v sem'e: teorii, faktory, modeli. *SOCIS*, (1), 40–49.
- Doklad YUNISEF (2006). *Polozhenie detej v mire 2006*. Le Fonds des Nations Unies pour l'enfance (UNICEF). <https://www.unicef.org/>
- Dyurkgejm, E. (1996). *O razdelenii obshchestvennogo truda* (perevod s francuzskogo A. B. Gofmana). Moscow: Kanon.
- Dyurkgejm, E. (1998). *Samoubijstvo: sociologicheskij etjud* (perevod s francuzskogo A. N. Il'inskogo). Saint Petersburg: Soyuz.
- Kazhastanskaya pravda (2013). Tak perepletayutsya sud'by. V *Kazhastanskaya pravda* ot 08.06.2013 g. <https://kazpravda.kz/?ysclid=lbm8bpuhm4336637706>
- Lemert, E. (1998). Social'naya patologiya. V *Konteksty sovremenosti: hrestomatiya* (str. 58–61). Kazan': ABAK.
- Mahallya, vsya pravda ob Uzbekistane. V *Kazhastane snizhaetsya chislo otkazov ot detej*. <https://maxala.org/>
- Merton, R. K. (1992). Social'naya struktura i anomiya. *Sociologicheskie issledovaniya*, 3, 91–105.
- Merton, R. K. (2003). *Social'naya struktura i anomiya*. Sociologiya. Hrestomatiya. Moscow: Gardariki.
- Rybinkij, E. M. (1997). Upravlenie social'noj zashchity detstva. *Rossijskij zhurnal social'noj raboty*, 15, 25–31.
- Shcheglova, S. N. (1999). *Detstvo kak social'nyj fenomen: Konceptiya social'nogo konstruirovaniya detstva*: dis. ... d. sociol. n. Moscow.
- Yadov, V. A. (2003). *Strategiya sociologicheskogo issledovaniya: opisanie, ob'yasnenie, ponimanie social'noj real'nosti*. Moscow: Akademkniga.
- Chamberlen, R. W. (1988). *Beyond individual risk assessment*. Washington.
- Goffman, E. (2000). *Asylums*. London: Penguin Books.
- Nash, E. S. (1990). Aggressive behaviors in young mother. *Pan African Medical Journal*, 77(3), 147–151.
- Newell, F. (1934). Psychodynamics of maternal rejection. *American Journal of Orthopsychiatry*, 4, 387–401.
- Toffler, A. (1970). *Futuze Shock*. New York: Random House.
- Wasserman, S. (1967). The abused parent of the abused child. *Children*, 14 (Sept.- Oct.), 175–179.
- Winter, S. (1987). The abandoned newborn. *Harefuah*, 112 (7), 360–362.

Информация об авторе:

Александр Николаевич Тесленко – доктор педагогических наук (РК), доктор социологических наук (РФ), профессор кафедры социально-педагогических дисциплин Кокшетауского университета им. А. Мырзахметова, директор Центра ювенологических исследований, Республика Казахстан, г. Астана
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Alexander N. Teslenko – Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Social and Pedagogical Disciplines, Kokshetau University named after A. Myrzakhmetov, Head of Juvenile Research Center, Republic of Kazakhstan, Astana.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 07.09.2022

Одобрена после рецензирования 24.11.2022

Опубликована 29.12.2022

Submitted September 7, 2022

Approved after reviewing November 24, 2022

Accepted December 29, 2022